

Беда России в том, что социально-активный слой конвертирован в маргинально-активный

А.И. Неклесса

Думаю, в сфере муниципальной практики, природной солидарности и местнического коллективизма китайца и, скажем, американца окажется больше общего, нежели индивидуализм и атомизация, характерные для жителей России, гораздо менее склонных к социальному сотрудничеству и муниципальным практикам (разве что в ситуации коллективного бунта). К сожалению, российские социальные стереотипы страдают от мифотворчества и переизбытка клонируемых из текста в текст метафор, которые и принимаются за реальность. Особенность же политической культуры и национальной ментальности в том, что никакие результаты социологических исследований не могут эти стереотипы сокрушить. Социологические данные устойчиво показывают, что многие сложившиеся представления о русском народе, его чертах лежат в области мифологии или вообще являются фантастическими. Население РФ *весьма* индивидуализировано и совсем не склонно к коллективистским формам взаимодействия, по крайней мере, в гораздо меньшей степени, чем американцы. По этому показателю, повторюсь, американцы и китайцы оказываются несколько ближе.

Второе, что хотелось бы отметить: привычка к метафоричности размывает объективное восприятие предмета исследования. Так, на протяжении доклада и дискуссии мне не вполне было ясно, о чем собственно идет речь, и неслучайно я задавал об этом вопрос. Идет ли речь о некотором русском мире, русском духе или же о постсоветском пространстве,

или о Российском государстве, называемом РФ? Все это достаточно разные объекты, и разговор об их жизнеспособности имеет различную траекторию — идет ли речь о Русском мире, постсоветском пространстве или новом государстве Россия — РФ.

Что бы я особо отметил по завершении доклада и дискуссии? Основной идеей семинара было определение критериев жизнеспособности. Но почти все, что здесь сегодня звучало, относилось к описанию критериев нежизнеспособности РФ. Наш диалог протекал скорее в негативном, нежели в конструктивном залеге.

Позвольте еще несколько методологических замечаний. К сожалению, от семинара к семинару нередко обсуждаются одни и те же проблемы, причем в схожих рассуждениях, используя повторяющиеся примеры. Скажем, такая проблема, как *омонимичные* категории «цивилизация». Существуют два *различных* понимания этой категории. Одна категория рассматривает исторический процесс окультуривания общества, возрастания градуса цивилизованности, оперируя линейкой «архаика — варварство — цивилизация». Другая категория — культурно-исторический тип, кодируется, к сожалению, тем же словом — «цивилизация». Но это достаточно различные категории, а их смешение ведет к логической невнятице. Отсюда возникает идея «равнозначности цивилизаций», которой они, конечно, не обладают. Трудно поставить на одну доску общество, практикующее человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм, поклонение стихиям, и то, что мы называем «современной цивилизацией».

Еще один практикуемый омоним я хотел бы отметить — это «соборность» и «коллективизм». В российской не слишком образованной массе эти весьма несхожие понятия воспринимаются и употребляются практически как синонимы, что, согласитесь, прискорбно.

Наконец, проблема национальной идентичности и оригинальности русского характера. Здесь мне хотелось бы выс-

казать несколько содержательных замечаний. Русская идентичность, русский тип характера обладают определенной оригинальностью. В чем она выражается? Если кратко, «в двух словах» — во фронтирной ментальности, склонности к экстремальности, основанием чему служат определенные исторические и культурные предпосылки формирования народа.

В русском характере имеется одна особенность — возможно, как производное специфики существования индивидуализированных хозяйств в ареале миграций, «на перекрестке» переселения народов. Осваивая — в том числе, вследствие той самой тяги к фронтирности и экстриму — колоссальные пространства, люди нуждались в определенном формате протекции. Человек не мог отвергать этот формат существования, бунтовать против него поскольку в противном случае оказывался беззащитным перед лицом многочисленных угроз.

И здесь основа «российского парадокса». Индивидуалистичность, столь ярко проявляющаяся, к примеру, в казачестве, сочетается в русском характере с весьма особым отношением к государственности и его представителям — чиновничеству. В чем же суть данного парадокса? Действительно, активность и даже подчас выраженная индивидуалистичность, проявляющиеся в хозяйственно-деятельной сфере, нередко сочетаются у русского человека с фактической пассивностью по отношению к государству и чиновничьему произволу. Место повседневного отстаивания собственных прав и достоинства занимает время от времени вспыхивающий бунт, причем бунт «бессмысленный и беспощадный».

Подобная психологическая особенность ощущается и в наши дни. К примеру, офицер — орел и герой в бою — трепещет перед таким же как он человеком, у которого всего лишь несколько иная констелляция звездочек на погонах. Аналогичных примеров, что называется, не счесть.

Теперь о жизнеспособности. Не могу согласиться с метафорой государства как корабля, если корабль расшифровы-

важется не как команда, а как машина. Это механистический и, что важно, статичный подход к понятию цивилизации, России — к любому социальному объекту. Отсюда становится ясно, почему из двух категорий «цивилизация» докладчик выбрал не стадийный подход, а культурно-исторический. Первый предполагает историческую и социальную динамику, второй — статику. Именно за это, кстати, славянофилы и критиковали Данилевского — за консервацию реальности и уход от анализа исторической динамики.

Понимание корабля как машины влечет ряд следствий — скажем, его водонепроницаемость. Приведу цитату, которая на меня произвела впечатление: «Капитаны» после смерти Сталина ошиблись в 1960–1970-е гг. в оценке этого показателя. Они как будто забыли простую истину: «Водонепроницаемость судна — способность наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков судна не пропускать воду, **обеспечивая его плавучесть**».

Ничего подобного с реальными, живыми социальными объектами не происходит. Социальный объект существует в сложнейшем взаимодействии с окружающей средой. Из представленной же формулы следует, что ошибка была в том, что вместо железного занавеса не изобрели какой-то иной занавес. Это признак пассивного, охранительского сознания, который свой эскапизм, бегство от подвижной и сложной реальности подменяет уплощением, кастрированием ситуации.

В этом как раз и заключалась одна из причин исторической нежизнеспособности СССР, а не в происках внешних врагов. Было бы наоборот: враги обнаруживали бы пробойны (коль уж скоро пользоваться данным сюжетом), а СССР занимал бы плацдарм за плацдармом. Но СССР не мог полагаться в этой борьбе за будущее на лояльность населения, ибо исходил не из позиции «Страна — это люди», а рассматривал население не как граждан, но как подданных. Или даже хуже: в духе сложившейся в ходе доклада и дискуссии образности — как рабов на галерах.

Настоящая жизнеспособность — это возможность активного взаимодействия с окружающим миром, концептуальное лидерство в нем, присутствие в процессе активного представления/формирования будущего, а не отгораживание водонепроницаемыми переборками.

Серьезный дефект подобной концептуальной позиции представляет собой доминирование оборонного типа сознания, отдающего приоритет внешним угрозам над внутренними. Это свойственно мобилизационному сознанию, но расширяется на формы любой общественной активности. Становится своего рода социальной парадигмой. Анализ внешних угроз имеет статус высшей категории. Это постепенно повсеместно проявляется в социальной и политической феноменологии. В качестве основной угрозы воспринимается всякого рода действие враждебного окружения страны. В этих условиях необходима внутренняя консолидация, и всячески затушевываются внутренние противоречия, пока они не прорывают все воздвигнутые плотины. Все это имело прямое отношение к разрушению СССР. Динамика подавлялась, статика объявлялась стабильностью.

Сегодня Россия на очередном историческом рубеже. Но дух перемен на этот раз весьма своеобразен: он порожден скорее последовательно проявляющейся недееспособностью сложившихся институтов, нежели некой социальной альтернативой, образом будущего. В этом — радикальное отличие нынешней ситуации от, скажем, 1917-го или 1991-го гг., когда существовал яркий образ иного, в этом — рельефная альтернатива прежнему порядку вещей.

Если же свести к сухому остатку мое выступление, то суть тезиса такова: основная проблема жизнестойкости социального организма в новом веке — это его способность активно и эффективно существовать в подвижном, комплексном, разнородном мире, населенном сложными людьми, владеющими высокотехнологичными инструментами, причем далеко не только техническими.

Те же, кто предпочитают спастись бегством на корабле, окруженном железной сетью, страшась проникновения чужой заразы на свою территорию, неизбежно приходят к серии катастроф. В России нечто подобное, кажется, ощущается. Несмотря на достаточно голословные призывы к модернизации, мы наблюдаем фактическую ориентализацию страны. В какой-то мере это вызвано и географическим фактором, отсечением от нее таких частей, как Украина, Балтия, ряда других сообществ. Но не только. Социально-активный слой сегодня конвертирован в стране в маргинально-активный слой. В этом, пожалуй, основная беда России. Основа страны — люди, страна — это не государство. Само слово «государство» есть рудимент господства, т. е. подчинения, а не гражданства.

Национальная государственность в современном мире пронизана токами субсидиарности, глокализации, коммунитаризма. И в этих условиях Россия становится все менее исторически конкурентоспособной. Ее внешняя жизнестойкость во все более определяющей роли зависит от закопанных в земле «энергоносителей» (потребляемых, кстати, в значительной мере именно внешним миром, «носителем» которого Россия и утверждается), а не от людей.

Мир, становясь сложным, превращается в соцветие антропосоциальных, подвижных структур, перемещающихся в трансграничном пространстве; и вот здесь Россия так же демонстрирует весьма слабую жизнестойкость и конкурентоспособность.

Пожалуй, свое выступление я закончу следующим тезисом: «Основное богатство России — это люди». Но тут же вспоминается фраза, произнесенная не столь давно одним из руководителей страны: «Люди — это наша вторая нефть». От того, какая ментальность в стране возобладает, думаю, и зависит ее будущее, ее жизнестойкость.

Реплика (А.В. Шубин):

У меня две очень короткие реплики. Во-первых, я хочу успокоить С.С. Сулакшина: в гуманитарных науках все так же четко, как у химиков и физиков (мне часто приходится бывать на защите диссертаций). Но представьте, если бы химиков и физиков собрали и спросили у них: в чем основа мироздания? Вы увидели бы примерно такие же зеленые квадраты...

Во-вторых, цивилизация перевернуться не может. Следовательно, опять я могу Степана Степановича успокоить. Переворот корабля, о котором мы говорим, это не смерть, потому что «корабль» — как я показал — не может быть цивилизацией, а является чем-то другим. Например, государственной структурой.

У каждой идеологической доктрины имеется свой набор способов решения одной и той же проблемы. Есть и свои критерии оценки результата. Вот, к примеру, гуманистический критерий, о котором говорил А.И. Неклесса. Я предложу два очень четких критерия: первый — конечно, качество жизни, и второй — это духовно-творческий потенциал. И то, и другое замеряется. Мы сейчас по этим показателям деградируем. Но есть набор стратегий выхода — и гуманистических, и биоцентричных, и механистических. Это уже вопрос о классификации идеологий.

И последнее — относительно методики оценки цивилизационных особенностей. Социальные опросы, проведенные сегодня, мало что говорят о сравнительных оценках цивилизаций или о культурных типах, путях развития культуры, потому что вы не можете провести подобные опросы, которые дали бы картину, присущую XIX в., XVIII в., XVII в. Мы же говорим о константах, которые сохраняются на протяжении веков.